

Виталий Закруткин

Штрихи к творческому портрету

Сад, где зреют золотые яблоки

С ТАНИЦА Кочетовская, в которой он живет и работает вот уже почти четыре десятилетия, стоит на острове, окруженном тремя реками — Доном, Северским Донцом и Спорным Донцом. Окна его дома смотрят на гладь донской воды.

И кажется, есть что-то символическое в этом: вот реки, вот остров, к которому ходит неторопливый паром, и что именно тут живет известный писатель.

Можно ли сравнить человека с островом? А писателя? Может быть, и да. Но только никак не подходит это сравнение к Виталию Александровичу. Ведь он когда-то сюда приехал не от людей скрываться, приехал-то как раз к людям, тем, которые учили его когда-то секретам крестьянского труда на Украине и покорила мужеством в дальневосточной тайге, которых он учил в школе и институте и с которыми вместе воевал, деля поровну фронтовые тяготы.

Просто он вернулся к земле.

Земля — начало всего. В семье народных учителей Закруткиных она издавна была не чужой: на ней жили, ее знали, ее украшали. Отец преподавал математику, мама — географию, но знания не ограничивались науками, так, например, отец умело занимался пчеловодством, везде, где ни приходилось жить, выращивал сады, любовно относился к слесарному делу. И если бы не эта, исконом веков присущая русскому человеку любовь к труду, которая помогла прокормиться в голодные годы гражданской войны членам семьи, кто знает, как сложилась бы судьба будущего писателя...

— Учитель — особое слово, потому что призвание это редкое, — говорит Виталий Александрович. — Но понятие это не только профессиональное, хотя я чту эту замечательную профессию. И мой дед, и мои родители были народными учителями, а я сам по образованию учитель.

— У вас большая библиотека. Очевидно, в вашей семье так было всегда? Вопрос этот задаю потому, что хотелось затронуть тему рождения интереса к книге...

— Все-таки дело здесь, наверное, не в личной библиотеке и не в количестве томов, а в воспитании чувства уважения к книге, к классической литературе, любви к ней. В желании найти собеседника и духовного наставника в лице писателя.

Во всяком случае, как я помню, и отец и дед, работая в сельских школах, не обзаводились никакой личной мебелью, не было у них и собственных сколько-нибудь представительных библиотек. Зато в школах с их приездом такие библиотеки всегда быстро собирались.

— И все-таки, Виталий Александрович, рождению писателя обычно предшествует и сопутствует увлечение литературой, во всем богатстве которой мы выбираем произведения того или иного автора, которые нам наиболее близки. А как было у вас?

— Так уж получилось, что настоящее, страстное увлечение у меня началось с интереса, а потом и любви к поэзии. А первой книгой стихов, взволновавшей до глубины души, стал небольшой сборник Сергея Есенина. Впрочем, сборник, найденный в ворохе самых разных книг в избе-читальне, где я начал работать, был без обложки. Так что это лишь потом мы с братом Ростиславом узнали, что автор стихов — Сергей Есенин. А тогда мы были просто поражены невиданной искренностью поэта.

А узнав имя автора, мы с братом на скудные свои деньги стали выписывать книги Есенина и журналы с его публикациями и — мало того — стали писать сами, подражая кумиру. Заочный поэтический учитель заставлял нас всматриваться в лик родной земли, запоминать ее приметы, познавать доброту людскую в трудном, неспокойном мире.

И именно тогда в душе зарождалось смутное, еще не осознанное стремление к чему-то певучему, требовавшему выражения в слове, музыке, песне.

— Виталий Александрович, хорошо известны ваши работы о творчестве Пушкина и Лермонтова. С чем связано ваше увлечение ими как исследователя и литературоведа?

— Встреча эта тоже в значительной степени знаменательна, поскольку связана с забавным случаем. Многие произведения величайшего поэта мне были знакомы с малых лет, но вот однажды, будучи в Москве, когда вся наша семья переезжала на Дальний Восток, куда отец получил назначение, в лавке букиниста я был попросту заворочен, глядя на роскошные тома собрания сочинений Пушкина издания Брокгауза — Эфрона с комментариями и роскошными иллюстрациями. Половина денег, отпущенных матерью на покупку продуктов в дорогу, была истрачена. И мало того, брат, находившийся рядом, не желая отставать, потребовал купить ему собрание сочинений Лермонтова. Это была вторая половина суммы. Зато никому не было обидно, все по справедливости.

С этих приобретений и начался наш путь в науку. Годы спустя мы с братом окончили в Ленинграде аспирантуру и защитили диссертации.

— Что было предметом исследования, когда вы писали диссертацию?

— Мой научный руководитель Василий Алексеевич Десницкий очень удивился, услышав, что я хочу защищаться по Пушкину. «Разве Пушкин плохо изучен?» Но я объяснил, что меня давно интересует таинственная история уничтоженной поэмы «Братья разбойники», что есть новые материалы — страницы пушкинских рукописей, которые по-новому позволяют трактовать происхождение и причины уничтожения поэмы.

— Интересно, с какими чувствами сегодня вы вспоминаете то время?

— Завидую себе, прежде всего своей работоспособности. Ведь успевал трудиться в ленинградских и столичных библиотеках, писал статьи и рецензии в «Звезду» и «Резец», ходил на выступления Алексея Толстого, Ольги Форш, Юрия Тынянова, Алексея Чапыгина, Николая Тихонова.

З АЩИТА ДИССЕРТАЦИИ прошла успешно. Материалы работы были опубликованы в ученых записках и «Красной нови». Минпрос предложил молодому ученому и преподавателю работу в одном из трех институтов — в Ростове, Горьком, Орджоникидзе. Закруткин выбрал Ростов, и вот уже почти полвека он накрепко связан с этим краем. У заведующего кафедрой литературы оказался талант преподавателя, студенты, по воспоминаниям очевидцев, очень любили его лекции. Первая повесть «Академик Плющов» увидела свет в 1940 году.

Через год главным стало другое, и гражданский долг призывал к деяниям, самым прямым образом связанным с защитой Отечества.

Свою последнюю военную награду он получил за бои в Берлине, когда в бою, как старший по званию, заменил убитого командира батальона.

Получая орден Красного Знамени из рук маршала Г. К. Жукова, он услышал такие слова прославленного полководца:

— Я вручаю вам этот нелитературный орден, майор Закруткин, и желаю вам вести себя так же в литературе, как в батальоне.

После победы В. А. Закруткин возвращается в Ростов.

За время войны он выпустил несколько книг публицистики и прозы, по ним в мае 45-го его приняли в Союз писателей: в те дни Закруткин был еще на фронте. В познанском госпитале, где он лежал после контузии, ему удалось начать большой роман «У моря Азовского» о гражданской

войне. После войны он был закончен и опубликован. После войны, по ее горячим следам, он написал книгу «Кавказские записки» о войне на Кавказе...

У ЧЕНЬИ НАКАПЛИВАЛ и классифицировал изученный материал. Писатель извлекал уроки отношения к своему делу и величайшей своей ответственности перед людьми.

— Чему вообще учит писателя классика? Если говорить коротко, то можно отметить необходимость поиска многообразной красоты окружающего мира и самого бережного отношения к традициям реалистического искусства.

Вот почему я крайне скептически отношусь к формалистам, к их так называемым поискам — в литературе, в живописи или музыке. Литературщина, пустопорожнее оригинальничанье — вот что такое формализм, словесное баловство, псевдоноваторство, которое Толстой объединял одним простым словом «декадентство». К сожалению, все это не осталось в прошлом, существует сегодня не только за рубежом, но и у нас.

Подобное искусство не для людей, не для читателей, зрителей, слушателей, а для себя. Народу это не близко, неинтересно, широкий круг людей остается равнодушным к такого рода творениям, а значит, невелика их настоящая цена. Непонятное в искусстве сродни уверенности, что несъедобная пища может быть вкусной.

В то же время всякое истинное произведение, будь оно исполнено и в традиционной форме, всегда в лучшем смысле новаторское...

В 1947 году он переехал из Ростова в станицу Кочетовскую, где колхоз «Победа» выделил ему дом с приусадебным участком. Он уехал к берегам трех рек. Здесь написаны романы «Плавучая станица», «Сотворение мира», повесть «Матерь человеческая» — произведения, за которые он удостоен Государственных премий СССР и РСФСР, многие публицистические произведения в защиту природы, рассказы, очерки, статьи, сценарии художественных фильмов. Здесь сейчас заканчивается новая повесть «На золотых песках». Находясь в гостях у писателя, я попросил у него его первую книгу — повесть «Академик Плющов». У автора остался единственный экземпляр книги, истертый переплет которой уже давно не держит желтых страниц. Повесть показалась мне вполне современной.

— Некоторые из моих товарищей по перу советовали переиздать ее, но мне не хотелось, потому что написана она, как бы поточнее выразиться, кокетствующим своими знаниями доцентом.

— Много ли, Виталий Александрович, вам сейчас удается читать?

— Да, достаточно много: и классическую, и современную литературу. Правда, о какой-то специальной системе чтения сказать не могу. Перечитываю любимые книги, читаю и те произведения, которые написаны в манере, мне не близкой...

А ТЕПЕРЬ хотелось бы сделать небольшое лирическое отступление. Когда Виталий Александрович переехал в Кочетовскую, на приусадебном участке он посадил много фруктовых деревьев.

И наверно, нет ничего удивительного в том, что в этот прекрасный сад лазали за яблоками ребята и подростки — есть в этом неистребимая жажда молодого озорства.

Однажды — было это в пятидесятые годы — в сад сквозь плетень залезли уже не мальчишки, а семнадцатилетние курсанты речного училища, практиканты, когда их старый колесный пароход пристал неподалеку от станицы к берегу.

А дальше... Дальше дадим слово одному из тех молодых людей — Анатолию Гриценко. Не удивляйтесь, что изложение пойдет в стихотворной форме: сейчас Анатолий стал профессиональным поэтом.

Мы были молодые, рулевые,
Нам было по семнадцать. Второпях
Мы яблоки срывали золотые.
И яблоки хрустели на зубах.
Мы говорили, хвастая, другим:
«Писательские яблоки едим!»
Года прошли. Тот пароход «Нотовский»
Давно не ходит мимо Кочетовской.
А рулевые стали капитанами,
И часто за унылыми туманами
Им по ночам в походах дальних снится
Плавучая придонная станица,
И за ветвями яблонь в глубине
Неяркий свет на дорогом окне.
Года прошли сквозь череду событий.
Не раз поспели яблоки в саду...
Виталий Александрович, простите,
Я больше никогда не украду!

Вот ведь какая концовка у этого стихотворения... Неожиданная, не правда ли? Как и всегда, должно быть, если речь идет о творчестве. Все это закономерно, как и то, что рулевые становятся капитанами, а в саду творчества у берегов трех рек рождаются все новые и новые золотые яблоки...

Н. ГОРБАЧЕВ.